

УДК 81'33:343.98

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ УЧАСТНИКОВ КОММУНИКАТИВНОГО СОБЫТИЯ В СТРУКТУРЕ КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА: ОПЫТ ЛИНГВОЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2021 г.

Р.И. Захаров

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

ruzakharov@yandex.ru

Поступила в редакцию 08.12.2020

Исследуется возможность установления участников коммуникативного события в ходе лингвоэкспертного анализа такого продукта семиотически осложненной коммуникации, как телевизионный репортаж. На основе использования методов прагматического, контекстуального, логического и семантического анализа продемонстрирована возможность установления и/или определения ряда характеристик коммуникантов: адресантов, непосредственных и косвенных адресатов конфликтогенных высказываний, – в рамках полилога в креолизованном тексте при производстве лингвистических экспертиз.

Ключевые слова: креолизованный текст, контекст, дейксис, коммуникативная ситуация, коммуниканты.

Статья посвящена проблеме определения адресанта и адресата речи в ходе лингвоэкспертного анализа такого продукта семиотически осложненной коммуникации, как телевизионный репортаж, в условиях спонтанной фиксации речевого события, реализация которого не была обусловлена спецификой коммуникативной ситуации. Исследование основано на материале проведенной автором судебно-лингвистической экспертизы по материалам дела № XXX об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 5.61 КоАП РФ, в отношении гр-ки Х.

Креолизованные тексты – неотъемлемая часть современной коммуникации. В качестве вещественного доказательства они фигурируют в уголовном, гражданском, административном процессах и подлежат исследованию в рамках судебно-лингвистической экспертизы. Креолизованные тексты пользуются пристальным вниманием как учёных, так и экспертов-практиков. Такого рода тексты могут быть исследованы в аспекте как структуры (обладающие сложной формой, то есть основанные на сочетании единиц разных (не менее двух) семиотических систем, которые вступают в отношения взаимосвязи, взаимодополнения, взаимовлияния), так и содержания (информация о событиях и ситуациях, оценочные характеристики лица или группы лиц либо свойств и действий лица или группы лиц, как речевой акт и речевое событие, имеющее место при тех или иных обстоятельствах) [1–3].

В ходе производства судебно-лингвистической экспертизы каузируемое исследование

даже одного компонента креолизованного текста, например, оценочного, автоматически предполагает изучение и других компонентов (денотативного, иллокутивного, экстралингвистического); кроме того, как продукт семиотически осложненной коммуникации поликодовый текст требует всестороннего, полного, исчерпывающего исследования не только вербального уровня, но также визуального, символического и т.д.

Так, выбранный в качестве примера спорный текст (согласно принятой в судебной лингвистике терминологии, далее – СТ) представляет собой фрагмент телевизионной передачи, прошедшей в эфире областного новостного телеканала. Видеоматериал структурно состоит из двух частей: сообщения диктора телевидения и репортажа. Специфика объекта – в поликодовом характере сообщения: оно составлено с использованием средств таких знаковых систем, как естественный язык (русский язык в устной и письменной формах), видеоряд, аудиоряд (резкий непродолжительный звуковой сигнал). Два компонента: вербальный и визуальный (динамический графический ряд) – являются смыслообразующими. При этом основной компонент – вербальный в устной форме, а дополнительные – видеоряд и письменная речь. Аудиокомпонент выполняет функцию маскировки содержательных элементов текста. Характеризуя средства создания креолизованного текста, следует также подчеркнуть следующее: устная форма вербального компонента и видеоряд являются средствами непосредственной фиксации коммуникативного события и специфики коммуни-

кативной ситуации, что определяет их значимость в исследовании компонентов содержания СТ; письменная форма вербального компонента и звуковой сигнал – средства вторичные, которые лишь корректируют первичные.

Специфика коммуникативной ситуации в значительной степени повлияла на структуру и содержание СТ. Первоначально репортаж должен был отразить решение районного суда в отношении недобросовестных застройщиков. Однако произошедшее в зале судебного заседания после оглашения приговора скорректировало сообщение.

В общении с журналистами один из обвиняемых выразил своё несогласие с вынесенным приговором и пояснил, что для завершения строительства им были использованы собственные денежные средства. На одну из реплик-комментариев, судя по содержанию, потерпевших последовала вербальная реакция определённого лица в форме императивно-оценочного высказывания в грубой форме, спровоцировавшее бурную реакцию некоторых из присутствовавших: вербальную и невербальную. Основными участниками коммуникативного события стали адвокат одного из осуждённых, потерпевшие, журналисты.

Учитывая спонтанность как произошедшего, так и его фиксации, а также принимая во внимание то, что креолизованный текст является вещественным доказательством, в рамках решения вопроса об оценочном компоненте СТ прежде всего следует установить адресанта и адресата конфликтного высказывания, а также косвенного адресата речевого акта, чтобы изучить его реакцию как способ квалификации обществом формы выражения содержания: неприличная, противоречащая правилам этикета, принятым в обществе.

Поскольку в основном смыслообразующем средстве (устной форме вербального компонента) отсутствуют номинации участников конфликтного речевого акта, то референция должна быть осуществлена иными способами и установление коммуникантов возможно посредством использования информации, переданной средствами иных знаковых систем. Согласно методике производства лингвистических экспертиз при исследовании креолизованных текстов анализу предшествуют установление дословного содержания звучащей речи и составление раскадровки (полной или частичной) видеоряда [2, с. 38].

К сожалению, формат издания налагает определённые ограничения на форму публикуемого материала и не предполагает представление развёрнутого протокола, преимущество ко-

торого в том, что он позволяет наглядно продемонстрировать взаимодействие поликодовых средств креолизованного текста при семиозисе (отдельные кадры видеоряда сопоставляются фрагментам вербального компонента в устной форме, а также отражены границы встраивания письменной формы в СТ). Вследствие этого для пояснения текста статьи информация приведена ниже, в таблице.

С.К. Левинсон отмечает, что отношения между языком и коммуникативной ситуацией грамматикализованы, или закодированы в структуре языка: речевые акты, пресуппозиция, дейксис [4, с. 53].

В модифицированной модели структуры речевого акта Дж.Р. Серля разграничены акт произнесения, высказывания, (локуция), пропозициональный акт (референция, то есть отнесение к миру, и предикация, то есть высказывание о мире), иллокутивный акт (целенаправленность намерения говорящего; иллокуция), перлокутивный акт (перлокуция). Согласно теории речевых актов, высказывания, отличающиеся по своей иллокутивной силе, имеют одну и ту же пропозицию (содержание). Референт этих различных иллокутивных актов – одно и то же лицо.

Конфликтное высказывание *Рот закрой, овца!* (Ф5; здесь и далее анализируемые фрагменты устной речи обозначены согласно расположению в табл.) ситуативно и контекстуально обусловлено. Как речевой акт оно: 1) имеет конкретного адресанта и адресата; 2) представляет собой в основном выражение волеизъявления адресанта речи адресату речи. Иллокуция в рамках нашего исследования не имеет существенного значения, поскольку адресанту Ф5 предидируется то же действие, что и в других, различающихся своей иллокутивной составляющей, высказываниях.

Высказывание будет иметь пресуппозицию «Ты здесь и сейчас посредством устной речи выражаешь определённую информацию» и пропозицию «Прекращение этого речевого действия».

Акт референции, как часть пропозиционального акта, связывает двух коммуникантов (адресанта и адресата Ф5) с их речевыми действиями. Ситуация может быть представлена следующим образом: адресат Ф5 в качестве адресанта ФХ совершает определённое речевое действие до момента локуции Ф5, речевое действие адресанта Ф5 обусловлено речевым действием адресата Ф5 / адресанта ФХ, то есть является вербальной реакцией. Два речевых акта должны быть связаны ситуативно и содержательно. Совокупности их референтов находятся в отношениях пересечения, но у них разные ролевые функции.

Таблица

Взаимодействие поликодовых средств анализируемого креолизованного текста

№	Вербальный компонент в устной форме и аудиокомпонент	Визуальный компонент и вербальный компонент в письменной форме
Ф1	[Рассказ диктора ТВ]	Кадры, фиксирующие диктора
Ф2	[Ответы одного из осуждённых на вопросы журналистов. Он заявляет, что для завершения строительства использовал собственные денежные средства]	Кадры, фиксирующие одного из осуждённых
Ф3	[Реплики-комментарии присутствующих]	Кадры, фиксирующие начавшееся удаление осуждённого из зала судебного заседания
Ф4	Ж1 – <i>Тогда верните те деньги, которые (...)</i> <i>(...) (...) (...).</i>	Кадры удаления лица из зала судебного заседания
Ф5	Ж2 – Рот закрой, овца!	Кадры удаления лица из зала судебного заседания
Ф6	[Характерный непродолжительный резкий звуковой сигнал, используемый на телевидении для маскировки отдельных слов и выражений]	Кадры, фиксирующие резкое смещение плана изображения, «размытость» картинки
Ф7	[Одновременные недостаточно разборчивые реплики нескольких лиц]	Несколько хаотичные планы изображения, появление на периферии кадра изображения женщины, удержание его в процессе передвижения лица по залу заседания
Ф8	Ж3 – <i>Скажите, Вы зачем сейчас нахамили женщине?</i>	Фокусировка на женщине, удержание её изображения в процессе передвижения. Из левого угла кадра к женщине направлен микрофон. На финальных кадрах появляются титры: установочные данные на лицо
Ф9	[Реплики о дольщиках]	Удержание изображения женщины в процессе её передвижения. Титры с установочными данными на лицо
Ф10	Ж* – <i>Потому что культуры нет.</i> [Фоном реплики о дольщиках]	Удержание изображения женщины в процессе её передвижения. На начальных кадрах титры с установочными данными на лицо
Ф11	Ж4 – <i>Она в последнее время вообще в судебном заседании тоже так себя дерзко вела. Огрызалась вот на эту потерпевшую</i>	Изображение интервьюируемого лица. Титры: установочные данные на лицо

Условные обозначения: Ж№ – номер коммуниканта (женщина) по порядку; Ж* – неатрибутированный коммуникант; полужирным шрифтом обозначена одновременная фонация реплик дикторов; знаком «[ ]» маркированы пояснения к СТ.

Специфика установления адресанта и адресата конфликтного высказывания заключается в том, что коммуниканты в устном тексте не конкретизированы: они не вербализованы ни в самом предложении, ни в репликах других лиц. То есть в устном тексте такой способ референции, как номинация, не представлен, зато реализован другой – дейксис.

Согласно В.А. Виноградову, этот термин прагматики обозначает указание как значение или функцию языковой единицы, выражаемое лексическими и грамматическими средствами [5, с. 128]. Дейксис служит для актуализации компонентов ситуации речи и компонентов денотативного содержания высказывания, то есть связан с лингвистическим и ситуативным контекстом.

Сфера дейксиса включает указание на следующие компоненты речевого акта: участники, предмет речи, локализация сообщаемого факта (временная и пространственная) и т.д., то есть на всё то, что имеет непосредственное отношение к акту речи.

Авторы монографии «Основы прагмалингвистики» выделяют дейксис первичный и вторичный, прагматический и синтагматический,

ролевой, текстовый, социальный, когнитивный, хронологический [4, с. 46].

Дейксис различается по характеру связи с коммуникативной ситуацией. Первичный дейксис с ней связан непосредственно, указание осуществляется с опорой на дейктический центр «говорящий, здесь, сейчас». Субъектом дейксиса является адресант речи, потому что им описывается происходящее.

Для устной формы вербального компонента СТ характерен первичный дейксис, этим определяется его значимость для исследования. Значимость дейксиса письменной формы вторична, поскольку дейктический центр не определён. В СТ отсутствуют маркеры того, какое лицо наделено функцией субъекта восприятия, как оно связано с речевой ситуацией – непосредственно или опосредованно. Указание задано не здесь и не сейчас.

Дейксис может рассматриваться в аспекте парадигматики и синтагматики в зависимости от того, на что производится указание.

Парадигматический дейксис ориентирован на внеязыковую действительность, отражаемую в содержании высказывания, то есть реализует-

ся в «вещественном поле указания» [5, с. 128]. Этот вид дейксиса соотносится с содержательной структурой предложения.

Синтагматический дейксис ориентирован на внутреннюю организацию текста, то есть реализуется в «контекстуальном поле указания» [5, с. 128], обеспечивая семантическую связность дискурсов. Этот вид дейксиса называется анафорой (анафорическое отношение), которая представляет собой отношения между языковыми выражениями [5, с. 128].

В аспекте противопоставления номинации важен ролевой дейксис – указание на участников речевого акта: адресанта и адресата речи. Он выражается различными видами местоимений: 1 и 2 лица (*я, ты, мой, твой*). Это дейксис первого и второго лица соответственно [6, с. 126].

В рамках данного исследования также значим, назовём его условно, по аналогии, предметный дейксис – указание на предмет речи (местоимения 3 лица).

Исследование специфики представления адресанта конфликтогенного высказывания в репликах разных коммуникантов показывает, что дейксис первого лица (указание на адресанта) в Ф5 не представлен. Эта информация содержится в СТ в имплицитной форме и может быть выражена рамочной конструкцией: «Я говорю тебе: <...>».

Дейксис второго лица (указание на адресата) представлен в Ф8 – реплике-реакции на Ф5 – личным местоимением *Вы*, которое относится к наиболее специализированным дейктическим элементам. Местоимение 2 лица множественного числа служит для обозначения нескольких лиц, включая собеседника и исключая адресанта, а также как форма вежливого обращения к одному лицу. То есть адресант Ф8, осуществляя квалификацию речевого действия Ф5, вербально указывает на адресанта конфликтогенного высказывания.

Происходит мена коммуникативных ролей коммуникантов. В Ф8 адресант Ф5 выступает уже в роли адресата интеррогатива как речевого акта запроса информации [7, с. 279], адресантом становится косвенный адресат Ф5, отреагировавший на не адресованное непосредственно ему сообщение и включившийся в новую коммуникацию в форме полилога, тематической доминантой которого стало содержание конфликтогенного высказывания; следующие высказывания СТ будут обусловлены высказыванием Ф5. Произошло смещение фокуса внимания коммуникантов. То есть речевой акт Ф5 осуществил мену активной роли адресанта, инициировал частотное изменение ролевой ситуации, расширил тематический, коммуника-

тивно-прагматический и стилистический диапазон общения [8, с. 224–225].

В рассмотренных высказываниях значимым для исследования является ролевой дейксис. Иной дейксис представлен в Ф11 – реплике-реакции другого коммуниканта. Во-первых, в ней содержится указание на предмет речи, которое выражено личным местоимением 3 лица *она*, – предметный дейксис.

Предметом речи в Ф11 является компонент общих знаний адресанта и адресата речи: лицо, известное обоим коммуникантам, – это адресант конфликтогенного высказывания. Связь устанавливается в контексте оценки речевого поведения адресанта Ф5 (оно не является предметом данного исследования, поэтому подробно не анализируется) в Ф8, Ф10 и Ф11: *Вы зачем сейчас нахамили женщине?; Потому что культуры нет; Она в последнее время вообще в судебном заседании тоже так себя дерзко велла. Огрызалась вот на эту потерпевшую* (выделено нами. – Р.З.). Ф8 и Ф10 формируют содержательно-синтаксическое единство. Семантическая когерентность формируется вопросно-ответными отношениями между репликами: запрос на получение информации о причине девиантного поведения и объяснение косвенного для Ф8 адресата. В Ф11 соотносится одно речевое действие адресанта Ф5 с речевым поведением этого коммуниканта в течение определённого времени. Пропозиция всех выражений содержит такой компонент значения, как нарушение правил речевого этикета, принятых в обществе.

Прагматический – ролевой и предметный – дейксис демонстрирует связь СТ с ситуативным контекстом. В СТ, кроме того, имеются дейктические средства связи высказываний не с действительностью, а друг с другом – лингвистический контекст.

Как отмечает Е.В. Падучева, в ряде случаев одна и та же языковая единица сочетает (одновременно выполняет) анафорическую функцию с дейктической, и граница между ними может стираться [5, с. 32].

Так и словоформа *она* в Ф11 дополнительно связана с внутренней организацией текста – указывает на ранее представленный в СТ репрезентант конкретного коммуниканта. Судя по направлению отношений между языковыми выражениями – отсылка к ранее сказанному (Ф8) – это анафорические отношения [6, с. 48]. Местоимение *она* является единицей последующей (анафорический элемент) по отношению к предыдущей – *Вы*, с которой соотнесена, заменяя её, указывая на неё; следовательно, является средством логической связи предложений, обеспечивает семантическую связность текста и

реализуется в контекстуальном поле указания. Это пример синтагматического дейксиса в СТ. Анафор и антецедент контекстуально синонимичны, то есть кореферентны, обозначают одного и того же коммуниканта – адресанта конфликтогенного высказывания.

Степень информативности средств замещения (повторной номинации) определяется, как отмечает Н.С. Валгина, способностью заместителя совмещать функцию замещения с функцией сообщения новой, характеризующей или классифицирующей информации [9, с. 57].

Так, анализ компонентов содержания высказываний устного текста, имеющих репрезентанты адресанта конфликтогенного высказывания, позволяет определить некоторые характеристики адресанта: гендерные и статусные. Местоимениям 3 лица единственного числа свойственна категория рода, поэтому словоформа *она* показывает, что обозначенный посредством неё коммуникант – женщина. В Ф11, кроме того, содержится информация об адресанте Ф5 как об одном из участников судебного процесса.

Не представленный в СТ в виде номинации адресант Ф5 тем не менее присутствует в нём опосредованно и может быть установлен благодаря зафиксированной реакции других участников коммуникативной ситуации, которые были непосредственными свидетелями его речевого действия.

После рассмотрения вербальной реакции коммуникантов следует обратить внимание на их невербальную реакцию, закреплённую в СТ с помощью средств видеофиксации: информация представлена видеорядом СТ.

Следует сказать, что виды и способы выражения дейксиса варьируются не только в разных языках. В аспекте вербального компонента носителями дейктической функции могут быть лексические единицы (местоимения) и грамматические категории (категория лица у местоимений и глаголов).

Дейктические элементы обладают семантическим свойством местоименности, проявляющейся в том, что они не называют предмет, не приписывают ему никаких свойств, а лишь указывают на них как на определяемых данной речевой ситуацией [4, с. 44]. Креолизованный текст, как любой текст, обладает параметрами цельности и связности, а поскольку он создан средствами разных знаковых систем, то дейктическую функцию в нём могут выполнять и средства иных, отличных от естественного языка, знаковых систем. Главное, чтобы они, согласно выражению К. Бюлера, формировали «указательное поле» [10, с. 94, 136].

В исследуемом СТ значимым смыслообразующим компонентом является видеоряд как

невербальный способ выражения определённого содержания. Визуализированная информация показывает (частично это отображено в таблице), что фокусирование чаще всего сосредотачивается на адресантах значимых высказываний СТ и обозначает смещение фокуса внимания участников коммуникативной ситуации (косвенных адресатов).

На финальной стадии локутивного акта Ф5 начинает осуществляться смена плана изображения – Ф6. В Ф7–Ф10 посредством аппаратных средств происходит поиск определённого лица, захват и удержание его изображения вплоть до удаления из кадра. На финальных кадрах Ф10 сохраняется чёткость частичного изображения этого лица. В Ф8 объясняется причина внимания коммуникантов к этому лицу: это адресат Ф8 / адресант Ф5. Объектив зафиксировал новую конситуацию и актуализацию иной информации, каузируемые речевым актом Ф5, и указал на конкретного коммуниканта – адресанта конфликтогенного высказывания. Так с помощью средств отличной от естественного языка знаковой системы был зафиксирован и представлен в СТ адресант конфликтогенного высказывания.

Согласно «Методике проведения судебной психолингвистической экспертизы...», если часть смысла передаётся визуально, например с помощью изображения чего-то, а не его вербального описания, лингвист «переводит» визуальное сообщение в текстовый вид [2, с. 46].

Вербальная интерпретация компонентов содержания, выраженных невербально, может быть представлена следующим образом: «Это то лицо, которое...». В этой части СТ дейктическую функцию выполняет последовательность кадров с изображением лица, на котором осуществляется фокусирование внимания адресата СТ; то есть, во-первых, происходит смена кода (для передачи определённой информации субъектом дейксиса здесь и сейчас выбирается один из возможных вариантов её репрезентации); во-вторых, реализуется вариант, в большей степени соответствующий определённым дискурсивным практикам и текстам – их продуктам, отличающимся значительной степенью компрессии смысла.

Это первичный дейксис, поскольку он непосредственно связан с коммуникативной ситуацией. Субъектом дейксиса является адресант Ф8. Дейксис ориентирован на внеязыковую действительность, которая отражается в содержании высказывания, то есть реализуется в «вещественном поле указания» [5, с. 128] и представляет собой парадигматический (ролевой) дейксис – указание на адресата Ф8.

В Ф11 видеоряд также выполняет дейктическую функцию – указывает адресату СТ на адресанта Ф11, квалифицирующего речевое поведение адресанта Ф5. Охарактеризовать дейксис в аспекте непосредственной связи с коммуникативной ситуацией в этом случае можно только в вероятной форме – первичный. Субъектом дейксиса является адресат Ф11. Дейксис ориентирован на внеязыковую действительность, которая отражается в содержании высказывания, то есть реализуется в «вещественном поле указания» [5, с. 128] и представляет собой парадигматический (ролевой) дейксис.

Таким образом, в креолизованном тексте существуют вербальные и невербальные средства для выражения дейктических смыслов, которые системно взаимосвязаны и функционально ориентированы, и, дополняя друг друга, обеспечивают достижение одной цели.

На последнем слове реплики Ф8 и в Ф9–Ф10 в виде титра (пояснительный текст на кадрах) реализуется письменная форма вербального компонента креолизованного текста. В ней приведены установочные данные на адресата Ф8: фамилия, имя, социальные роли (характер его участия в судебном процессе, родственное отношение с одним из обвиняемых). Здесь в СТ представлен такой способ референции, как номинация.

Устная форма Ф8 и письменная форма в Ф8–Ф10 составляют лингвистический контекст, то есть обладающую смысловой завершенностью речь, в рамках которой и может быть установлено значение отдельных входящих в состав текста фрагментов, а именно местоимения *Вы*, указывающего на адресанта конфликтогенного высказывания. Это слово полностью раскрывает свой смысл только будучи включенным в дейктические отношения.

Дейксис ориентирован на внутреннюю организацию вербального компонента, то есть реализуется в «контекстуальном поле указания» [5, с. 128], обеспечивая семантическую связность СТ. Это синтагматический дейксис. Особенность линейного расположения элементов (препозиция элемента с отсылающим значением) указывает на то, что здесь представлен такой вид отношений, как катафора – средство связности текста, основанное на указании того, что будет выражено в последующем контексте; в роли катафор и употребляются местоименные слова [5, с. 32]. По характеру отношения с коммуникативной ситуацией (опосредованное) это вторичный дейксис.

Письменная форма вербального компонента в виде титра имеется и на кадрах в Ф11 – установочные данные на адресанта речевого акта Ф11: фамилия, имя, статус. То есть здесь представлен такой способ референции, как номинация.

Таким образом, анализ вербального компонента СТ позволяет определить некоторые характеристики адресанта и одного из косвенных адресатов конфликтогенного высказывания и конкретизировать их. Для адресанта устная и письменная форма выступают как взаимодействующие компоненты, при основной смыслообразующей функции устной формы, поскольку письменная форма, как текст вторичный, непосредственно не отражает коммуникативную ситуацию. Для косвенного адресата письменная форма является основным способом референции.

Адресованность конфликтогенного высказывания в тексте выражена следующим образом.

Во-первых, позиционно на уровне структуры полилога: соположение Ф4 и Ф5 и частичное совпадение их локутивных актов. Во фрагментах дословного содержания (см. табл.) одновременная фонация дикторов обозначена полужирным шрифтом.

Во-вторых, формально-логически: соотношение содержаний Ф4 и Ф5. Речепорождение диктора «Ж2» начинается после завершения «Ж1» начальной части фразы. Этот фрагмент СТ является выражением волеизъявления адресанта Ф4, адресованным лицу, утверждающему, что для завершения строительства им были использованы собственные денежные средства (Ф2). Волеизъявление заключается в побуждении адресата Ф4 к действию «отдать обратно взятые денежные средства». То есть реплики связаны ситуационно и контекстуально посредством компонента значения «денежные средства».

Ф5 является непосредственной вербальной реакцией на волеизъявление «Ж1» и представляет собой директивный речевой акт – побуждение адресата Ф5 (адресанта Ф4) к прекращению речевого действия формирование волеизъявления. Специфика локуции (форсированное, превосходящее по силе голоса, произнесение, заглушившее речь лица, к которому обращался адресант Ф5) сделала неразборчивой финальную часть Ф4. Экспрессивный аспект коммуникации на этом уровне имел значение большее, нежели содержательный. Адресат отреагировал не столько на слова, сколько на тон и способ их произнесения. То есть адресант Ф5 добился выполнения своего волеизъявления именно с помощью локутивной силы высказывания.

В СТ адресованность Ф5 выражена также синтаксически – обращением. В специальной литературе отмечено, что обращение называет лицо в условиях его персонификации. Это средство установления речевого контакта между адресантом и выделенным из общей массы слушателей лицом, которому адресован данный

речевой акт. Апеллятивная функция обращения заключается именно в привлечении внимания собеседника, придании ему коммуникативной роли объекта контакта – адресата; чтобы направить кому-либо слова (адресоваться к кому-либо), его необходимо позвать, а часто и назвать [7, с. 207; 11, с. 46–48].

То есть в Ф5 дейктическим элементом будет существительное в именительном падеже *овца*, которое является указанием на лицо, к которому обращена речь. В этом фрагменте СТ представлен прагматический дейксис второго лица (ролевой).

Адресат конфликтного высказывания, кроме того, представлен в репликах иных коммуникантов (косвенных адресатов Ф5): Ф8 и Ф11. В высказываниях содержатся указания на предмет речи: выражения *женщине*, *эту потерпевшую*. Это прагматический дейксис.

Как уже было сказано, Ф8 и Ф11 формируют содержательное единство: информация о девиантном поведении одного коммуниканта в отношении другого коммуниканта; пропозиция обоих выражений содержит такой компонент значения, как нарушение правил речевого этикета, принятых в обществе. Поскольку между высказываниями (частями СТ) отсутствует непосредственная синтаксическая связь, то для обеспечения семантической связности СТ между ними возникают анафорические отношения: в содержании Ф11 содержится отсылка к Ф8. Дейксис ориентирован на внутреннюю организацию текста (лингвистический контекст). Это синтагматический дейксис. Репрезентанты лица – предмета речи (*женщине* и *эту потерпевшую*) – грамматически связаны (категория рода), являются контекстуальными синонимами, кореферентны. Референтом является один и тот же коммуникант: адресат конфликтного высказывания.

Как в случае с адресантом конфликтного высказывания, в вербальном компоненте СТ адресат не конкретизирован. Посредством использования семантико-грамматического и лексико-грамматического методов возможно только определение некоторых его характеристик: гендерных – лицо женского пола, поскольку словоформы его репрезентирующие имеют категорию рода; статусных – человек, которому в результате преступления причинён моральный, физический или имущественный урон, один из участников уголовного процесса [12; 13, ст. 42].

Невербальные средства для выражения дейктических смыслов в отношении адресата Ф5 в креолизованном тексте не представлены. Письменная форма вербального компонента также не содержит отсылочных элементов. Следовательно, дальнейшая конкретизация ад-

ресата конфликтного высказывания возможна уже нелингвистическими методами.

Таким образом, проведённое исследование показывает, что средства как вербального, так и визуального компонентов креолизованного текста формируют необходимый ситуативный и лингвистический контекст, который делает возможным установление и/или определение ряда характеристик (в первую очередь адресантов и адресатов подлежащих исследованию спорных высказываний в рамках полилога) при отсутствии конкретных номинаций коммуникантов в структуре этих высказываний, а также, при необходимости, косвенных адресатов речевых актов. Последнее является информативно значимым при исследовании оценочного компонента спорных текстов и решении вопроса о форме выражения информации: неприличная, противоречащая правилам этикета, принятым в обществе. Определение коммуникантов возможно благодаря наличию вербальных и невербальных средств выражения дейктических смыслов, которые системно взаимосвязаны и функционально ориентированы, находятся в отношениях вариативности и комплементарности.

Список литературы

1. Будаев Э.В., Ворошилова М.Б., Руженцева Н.Б. Эволюция лингвистической экспертизы: методы и приемы: Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2017. 201 с.
2. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму / Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. 98 с.
3. Захаров Р.И. Музыкальный компонент креолизованных текстов: к вопросу о поиске лингвистических оснований анализа в судебной лингвистической экспертизе // Международные и национальные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: Сборник докладов II Международной научной конференции. Н. Новгород, 21–22 мая 2020 г. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. С. 137–144.
4. Матвеева Г.Г., Ленец А.В., Петрова Е.И. Основы прагмалингвистики: Монография. М.: Флинта: Наука, 2014. 232 с.
5. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
6. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2007. 576 с.
7. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в

2 т. / Под общ. ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова. Т. 2. М.: Флинта: Наука, 2008. 816 с.

8. Филиппов К.А. Лингвистика текста: Курс лекций. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 331 с.

9. Валгина Н.С. Теория текста: Учебное пособие. М.: Логос, 2003. 280 с.

10. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка: Пер. с нем. / Общ. ред. и коммент. Т.В. Булыгиной, вступ. ст. Т.В. Булыгиной и А.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1993. 502 с.

11. Стариченок В.Д. Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2008. 811 с.

12. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: Азъ, 1994. 928 с.

13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2020) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 31.10.2020).

**FEATURES OF REPRESENTATION OF PARTICIPANTS OF A COMMUNICATIVE EVENT
IN THE STRUCTURE OF A CREOLIZED TEXT:
AN EXPERIENCE OF FORENSIC LINGUISTIC RESEARCH**

R.I. Zakharov

The work is devoted to the study of the possibility of identifying participants in a communicative event during the analysis of such a product of semiotic complicated communication as a television report. Using a set of methods of pragmatic, contextual, logical and semantic analysis, the author demonstrates the possibility of establishing and/or determining a number of characteristics of communicants during linguistic examinations: addressees, direct and indirect addressees of conflictogenic statements, in the framework of a polylogue in the absence of specific categories of communicants in the creolized text.

Keywords: creolized text, context, deixis, communicative situation, communicants.

References

1. Budaev E.V., Voroshilova M.B., Ruzhentseva N.B. Evolution of linguistic expertise: Methods and techniques: Monograph. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2017. 201 p.

2. Kukushkina O.V., Safonova Yu.A., Sekerazh T.N. Methodology for conducting forensic psychological and linguistic expertise of materials on cases related to countering extremism and terrorism / Federal Budget Institution Russian Federal Center for Forensic Expertise under the Ministry of Justice of the Russian Federation. Moscow: FBU RFTSSE under the Ministry of Justice of Russia, 2014. 98 p.

3. Zakharov R.I. The musical component of creolized texts: to the question of the search for linguistic bases of analysis in forensic linguistic expertise // International and national trends and prospects for the development of forensic expertise: Collection of reports of the II International Scientific Conference. N. Novgorod, May 21–22, 2020. N. Novgorod: Publishing House of the N. I. Lobachevsky National Research University, 2020. P. 137–144.

4. Matveeva G.G., Lenets A.V., Petrova E.I. Fundamentals of pragmalinguistics: Monograph. M.: Flinta: Science, 2014. 232 p.

5. Linguistics. Large encyclopedic dictionary / Edi-

tor-in-Chief V.N. Yartseva. M.: The Great Russian Encyclopedia, 1998, 685 p.

6. Akhmanova O.S. Dictionary of linguistic terms. M.: KomKniga, 2007. 576 p.

7. Encyclopedic dictionary-reference book of linguistic terms and concepts. Russian language: In 2 volumes / Under the general editorship of A.N. Tikhonov, R.I. Khashimov. Vol. 2. M.: Flinta: Science, 2008. 816 p.

8. Filippov K.A. Linguistics of the text: A course of lectures. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2007. 331 p.

9. Valgina N.S. Text theory: Textbook. M.: Logos, 2003. 280 p.

10. Buhler K. Theory of language. The representative function of language: Trans. from German / General ed. and commentary by T.V. Bulygina, introduction by T.V. Bulygina and A. A. Leontieva. M.: Progress, 1993. 502 p.

11. Starichenok V.D. Big linguistic dictionary. Rostov-on-Don: Feniks, 2008. 811 p.

12. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. M.: Az, 1994. 928 p.

13. The code of criminal procedure of the Russian Federation dated 18.12.2001 n 174-FZ (as amended on 27.10.2020) [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (Date of access: 31.10.2020).